

Страница рукописи

Евгений Петрович Смелов родился в 1894 году в Санкт-Петербурге в семье чиновника Контрольно-счетной палаты Петра Васильевича Смелова и его жены Екатерины Дмитриевны, урожденной Бараненковой. С 1912 года посещал Народно-миссионерские курсы при Матвеевской церкви на Петербургской стороне, которыми руководил известный деятель православной церкви Д. И. Боголюбов. В 1918 году в числе студентов последнего, предреволюционного набора окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию². Вскоре после этого уехал из голодного Петрограда в Лугу, где вступил в ряды 6-й стрелковой дивизии Красной армии, формировавшейся Яном Фабрициусом. Участвовал в боях под Нарвой и Валком. В 1919 году заболел сыпным тифом и едва живой вернулся в Петроград на долечивание. Именно тогда Евгений понял, что старая жизнь не вернется и надо искать свое место в новой, большевистской, России.

Вскоре произошло знакомство Евгения Петровича с Владимиром Николаевичем Кашиным, который сыграл колоссальную роль в интеллектуальном развитии своего нового знакомого. Хорошие приятельские отношения с Кашиным продолжались почти десять лет, вплоть до ареста последнего. Только чудо оградило тогда от ареста самого Евгения Петровича, о чем он также вспоминает в своих мемуарах.

«Люди вчерашнего, крепко, жадно державшиеся за вчерашнее благополучие, были безжалостно выбиты

Воспоминания о Владимире Николаевиче Кашине¹

Е. П. Смелов

Родители Е. Смелова –
Екатерина Дмитриевна
и Петр Васильевич. 1895 г.

из седла. Крушение было повсюду. Я в ту пору плохо понимал, что происходило. Не в лучшем положении оказались и вчерашние мои приятели и знакомые. Но молодость хочет жить, жить хотя бы подобием привычной, понятной, знакомой жизни. Я был приучен думать, рассуждать, говорить, спорить. Умственные развлечения меня всегда увлекали. Вот почему, в теперешней моей обширной квартире как-то сами собой, стихийно возникали встречи таких же, как и я, жаждущих умственного развлечения молодых людей.

Нас объединял молодой задор жизни, желание обменяться мнениями, поспорить. Каждый приходил сюда со своим мироощущением, а часто и со своими новыми знакомыми. Общение расширялось. Общее между нами было то, что никто из нас, казалось, не интересовался политикой. О ней не было и речи. Обыденная жизнь, то есть жизнь ежедневная, суточная, реальная никого из нас не интересовала. Мы раз-

влекались не столько умственной, сколько словесной гимнастикой».

Воспоминания Е. П. Смелова относятся к малоизвестному периоду жизни Владимира Николаевича, когда он вернулся из эмиграции, продолжил прерванное обучение в университете, окончил его и подрабатывал лектором и преподавателем на нескольких работах³.

«Собрания моих новых молодых знакомых, происходившие в моей квартире, о которых я говорил выше и которые определял как умственную блажь, в конечном счете, имели для меня полезный итог. Они не только развивали во мне мою природную общительность, что помогало мне изживать в себе интеллигентский индивидуализм со всеми его тяжелыми антисоциальными последствиями, но и открывали мне дверь к общению с новыми людьми тех бурных лет глубокой революционной перестройки.

Среди посетительниц молодежных импровизированных собраний

Евгений Смелов, красноармеец.
1918 г.

в моей квартире была симпатичная студентка Первого медицинского института по фамилии Кабардина. Впоследствии она была врачом-педиатром в больнице имени Филатова, но в молодые годы погибла от неудачных родов. Так вот, она вскоре после моего знакомства с ней вышла замуж за вернувшегося из Лондона русского эмигранта, по-видимому из партии социалистов-революционеров. Она познакомила меня с ним. Это был высокий, худощавый, рыжеватый, со щетинкой усов и близорукими глазами, скрытыми всегда под очками, мужчина. Нервный, раздражительный, но очень волевой, с огромным самообладанием. Он был значительно старше своей молодой жены, но возраст его было трудно определить.

Разговор его был всегда негромкий и часто переходил в какое-то раздраженное бурчание, так что иногда надо было внимательно вслушаться в его речь, чтобы понять, что он говорит. Звали его Владимир Николаевич Кашин.

По прибытии в Петроград Владимир Николаевич сразу же устроился студентом одного из последних курсов исторического факультета университета. Видимо, ему ранее не удалось завершить свое образование. Но его подготовка, а особенно начитанность, были настолько основательны, солидны, разнообразны и прочны, что он быстро сдал университетский курс и написал какую-то работу по русской истории, вскоре напечатанную.

Он был всегда погружен в размышления. Встречаясь на улице со знакомыми, он их не замечал. От усиленных ночных занятий веки его глаз всегда были воспалены. Но если он на кого-нибудь смотрел, то взгляд его был до крайности внимателен. Он пронизывал человека, казалось, проникал до глубины души. Всякое краснбайство Владимиру Николаевичу было чуждо. Это был человек дела, говорил всегда только по существу, но не сухо и не казенно. Речь его всегда была умна, конкретна, отнюдь не трафаретна, а потому всегда интересна.

Он умел поучать, не поучая. Это редкий педагогический дар. О своей жизни он никогда не рассказывал, но без слов было ясно, что она была далеко не легка, своеобразна и многому его научила. В разговорах

Иван Флорович Алексеев, друг Смелова и участник домашних семинаров. 1915 г.

со мной он нередко проявлял интерес к семинарским настроениям в период Первой мировой войны и буржуазно-демократической революции 1917 года. Расспрашивал он меня и о семинарском преподавании.

В то время у меня еще сохранялись семинарские сочинения. Он ими очень заинтересовался, попросил их дать ему, и они так у него и пропали. Разумеется, он не только учился, но и работал – во многих местах читал лекции по русской истории. Вскоре после моего знакомства с ним он посоветовал мне демобилизоваться из Красной армии, так как Гражданская война уже закончилась (шел уже 1921 год), и я, по его мнению, мог найти работу, более соответствовавшую и моему образованию, и моим склонностям, хотя в этих склонностях я тогда очень неясно разбирался.

О желании демобилизоваться я сообщил моему начальству весной 1921 года. Меня перевели в Трудовую армию трудармейцем, и в конце мая или начале июня я был демобилизован. Владимир Николаевич тотчас же предложил мне работу. Может быть, моя демобилизация

как нельзя лучше устраивала его самого. Он сразу же согласился взять предлагаемое ему место заведующего учебно-лекторским бюро (или отдела) Дорпрофсожа Мурманской железной дороги. Но для этого ему требовался помощник, которому он мог бы поручить всю текущую работу, оставив за собой лишь общее руководство, что освобождало бы его от обязанности быть постоянно на своем служебном посту.

Одной из характерных особенностей того времени была масса совместителей на разных службах. Знающих, дельных, опытных людей в то время даже в таком культурном центре, как Петроград, не хватало. Приходилось мириться со злом совместительства и гастролерства. Знайки своего дела ценились очень высоко. Так я нежданно-негаданно стал помощником Владимира Николаевича по организации всей учебно-лекторской работы на протяжении всей Мурманской железной дороги.

Опыта у меня в этом никакого не было. Всему приходилось учиться на деле. Но при таком моем новом начальнике, каким был для меня Владимир Николаевич, мне не трудно было привыкать к руководящей работе. Фактически я сразу же превратился в добросовестного исполнителя всех организационных распоряжений Владимира Николаевича. А распоряжения его были всегда до крайности конкретны, понятны, просты и ясны. Надо было только поспевать вовремя с их исполнением и точно в срок сообщать ему о результатах. Заменять же его в роли помощника мне никогда не приходилось. Да я бы этого сделать и не сумел. Таких навыков тогда у меня еще не было.

Помню, даже, когда мне, ввиду болезни Владимира Николаевича, надо было срочно представить полугодовой отчет о проделанной работе, то я совершенно растерялся, не знал, как к нему приступить. На помощь мне тотчас же пришел мой начальник. У себя на квартире, больной, он продиктовал мне весь текст отчета, попросив только в нужных местах проставить числовые данные и окончательно стилистически отредактировать текст.

С большим энтузиазмом я выполнил то поручение, старательно переписал продиктованный мне

отчет, и когда принес к нему на другой день на подпись, то Владимир Николаевич похвалил меня и за срочность, и за аккуратность выполненного поручения.

Этот случай мне твердо запомнился, потому что уже тогда я хорошо понял, как много значит в приобретении опыта умелый показ на деле, а не только добренькие советы и благочестивые пожелания. Впоследствии мне много пришлось составлять разнообразных и несравненно более сложных отчетов, чем мой первый отчет, написанный под диктовку, но я всегда с благодарностью вспоминал свой первый урок по составлению отчета о проделанной работе.

Не только деловое влияние на меня Владимира Николаевича, но и весь характер новой моей работы явились для меня хорошей школой жизни. Народная мудрость говорит – «с кем поведешься...», таким и сам в конце концов станешь. Всякая культурная работа, как бы ни был ничтожен сам по себе тот или иной ее исполнитель, всегда неизменно накладывает на него свой благотворный интеллектуальный отпечаток – профессиональный налет. Всякая работа, а тем более культурная, властно заставляет подниматься выше и выше по пути своего мастерства.

На новой работе мне, прежде всего по поручению моего уважаемого начальника, пришлось столкнуться с рядом тогдашних видных деятелей научной мысли, и не просто столкнуться, а вступить с ними в контакт, организовывать или их лекции, доклады, или систематические занятия. Дело часто не ограничивалось сухими официальными беседами о времени и месте, об условиях их приглашения на работу в культурной сети Дорпрофсожа Мурманской железной дороги в Петрограде или с выездкой на периферию. Встречи мои с учеными, лекторами, педагогами часто приводили меня к интересным, очень содержательным, поучительным беседам⁴.

Такие беседы расширяли мой кругозор, наглядно показывали мне истинные масштабы своего собственного развития, убивали во мне зародыши молодежного зазнайства, излишней самомнительности и тупого самолюбования. Общение

Мария Степановна Чаглей, свояченица Смелова и участница домашних семинаров

с умными, даровитыми, а тем более, талантливыми людьми всегда педагогически очень ценно. Оно, как хороший душевный наждак, снимает с души отвратительную ржавчину гордыни, учит скромности, вежливости, деликатности и чуткости не на словах, что так часто, к сожалению, бывает, а на деле.

Эти поучительные встречи и беседы во многом отшлифовали то, что мне удалось приобрести в жизни хорошее до тех пор при помощи моих воспитателей или своими собственными усилиями из книг, или путем восторженного подражания увлекавшим меня живым примером. В течение всей своей сознательной жизни я искренне и неизменно восхищался душевной мягкостью, чуткостью, особой внимательностью ко всему хорошему, красивому со стороны типичного русского интеллигента старого закала. Они умели уважать и себя, и других. Они умели выслушивать чужое мнение, даже враждебное своему собственному, и возражать на него, не бия по лицу своего противника, а спокойно, убедительно, вразумительно, с полной верой в свою несокрушимую правоту.

Именно с представителями такой высокоинтеллектуальной интеллигенции мне и пришлось тогда работать. Хороших докладчиков, лекторов, педагогов мне по указанию Владимира Николаевича сравнительно легко удавалось привлекать к работе в нашем учебно-

лекторском бюро, так как имелась возможность многих из них по совместительству зачислять на штатную должность с получением при этом продовольственного железнодорожного пайка и бесплатного проезда один раз в месяц по железной дороге на любое расстояние членам семьи за покупкой на вольном рынке продуктов питания.

На самых первых шагах моей новой деятельности по переезде Дорпрофсожа на 5-й этаж дома Перцева на Лиговке, против Кузнечного переулочка, мне пришлось организовать два эпизодических культурно-массовые мероприятия: столетний юбилей со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова, что происходило 10 декабря 1921 года, и благотворительный вечер в помощь голодающим Поволжья⁵.

На некрасовский вечер я по указанию Владимира Николаевича пригласил докладчиком известного некрасоведа Владислава Евгеньевича Евгеньева-Максимова, впоследствии профессора Ленинградского университета⁶. Он, как и все в то время выбитые из жизненной колеи интеллигенты, не блистал материальным благополучием, был рад любому подходящему приработку к своим скудным средствам и с большой готовностью согласился на мое предложение выступить с докладом на вечере, посвященном памяти его любимого поэта. Мне показалось, что мое неожиданное для него приглашение как-то оживило, обрадовало его.

Владиславу Евгеньевичу в то время было 38 лет, но на вид ему, пожалуй, можно было бы дать больше ввиду его грузной, массивной фигуры и одутловатого, несколько обрюзгшего лица. Но глаза его блистали живой силой, изобличали в нем ум и энергию. Впрочем, при первой встрече с ним меня не столько заинтересовала его наружность, как его голос. По голосу он показался мне похожим на замаскированного протоиерея былых времен. У Владислава Евгеньевича был такой густой бас, каким не всякий стародавний, прославившийся протоиерей мог бы похвалиться.

Зал Дорпрофсожа в доме Перцева был довольно широк и очень длинен. Видом своим он несколько похож на зрительный зал современного кино «Молния»⁷. Во время

доклада Евгеньева-Максимова о Некрасове зал был переполнен. Надо полагать, что такое внимание со стороны железнодорожников Мурманской железной дороги к памяти великого русского поэта не могло не порадовать докладчика, потратившего много времени и сил на изучение некрасовского наследия.

Как-то однажды Владимир Николаевич назвал мне впервые фамилию Кони, сказав при этом, что этого неизвестного мне человека надо пригласить постоянным штатным лектором к нам в лекторское бюро, если он, конечно, на то любезно согласится... По тону речи Владимира Николаевича легко было понять, что этим возлагалось на меня очередное поручение переговорить с новым лектором и что это поручение не совсем обычное и, вероятно, не легкое... Я с некоторым простодушным удивлением спросил своего начальника: «А кто такой, этот Кони?»

– Как, вы не знаете, кто такой Кони? – огоршил меня встречным вопросом Владимир Николаевич.

Я молчал, несколько смущенный каким-то неведомым мне моим невежеством: видимо, ничего не знать об этом человеке было почему-то непозволительно в глазах Владимира Николаевича. Но я все же не видел никакой надобности скрывать от Владимира Николаевича то, чего я не знаю, и я прямодушно подтвердил, что до сих пор мне никогда, ни от кого не приходилось слышать эту странную фамилию, более чем лошадиную.

– Так вот, теперь, – сказал мне строгий собеседник, – вы не только будете знать эту фамилию, но и познакомитесь с тем, кто ее носит.

И я впервые услышал от Владимира Николаевича обстоятельный рассказ о знаменитом юристе, академике, бывшем сенаторе и члене Государственного совета в дореволюционный период, а в советский период, то есть за последние три года, профессоре Петроградского университета по юридической науке уголовного процесса. Я узнал также, что Кони прославился не только как крупнейший в России судебный, государственный и общественный деятель второй половины XIX и начала XX века, а и как очень талантливый мемуарист, оставивший потомкам превосходно написанные

воспоминания о крупнейших русских писателях, с которыми он был близок.

Без этих воспоминаний Кони в истории русской литературы и культуры XIX века много осталось бы для нас невосполнимых пробелов. Кони своим талантливым пером воспроизвел яркие, живые, выразительные, неповторимые по художественной силе портреты многих выдающихся людей своего времени. Эти портреты и характеристики отражали собственные впечатления Кони от общения с теми, кого он так искусно сумел навсегда запечатлеть на страницах своих воспоминаний.

Рассказал мне при этом Владимир Николаевич и о громком политическом деле 1878 года, когда известная революционерка Вера Засулич совершила выстрел в тогдашнего петербургского градоначальника Трепова. Суд над Засулич происходил под председательством Кони. Засулич была оправдана судом присяжных заседателей, а поплатилась за это неожиданное для тогдашней власти оправдание председатель суда Кони. Правящие круги объявили Кони подозрительным судебным деятелем, и его служебная карьера от этого пострадала.

Однако столь одаренная личность, как Анатолий Федорович Кони, ни при каких неблагоприятных обстоятельствах не могла долго оставаться в тени. Он обладал слишком сильным умом, привычкой к яркой общественной деятельности и негибкой энергией, чтобы его можно было не замечать. Анатолию Федоровичу было уже 77 лет, когда я увидел его в первый раз, а так как к той встрече, как было уже сказано, я был, можно сказать, тщательно и умело подготовлен, то впечатление от нее у меня, естественно, было очень сильное, яркое, глубокое, незабываемое.

Как старший интеллигент А. Ф. Кони отличался общим, присущим этой породе людей, к сожалению, почти исчезнувшей, ярким признаком: исключительной аккуратностью в отношении взятых на себя добровольно обязательств. Щепетильная честность никогда не покидала этих людей. Маститый старик, удрученный годами и недугами, всегда находил и время и силы, чтобы за благовременно письменно предупре-

дить меня о невозможности прийти прочесть назначенную лекцию. Его записка, очень любезного содержания, никогда не писалась на каком попало клочке бумажки (как, кстати говоря, это часто делал впоследствии проф. Е. В. Тарле).

Обычно извещение вкладывалось в конвертик небольшого формата белого цвета, на котором старческой рукой, но очень ясно и четко кроме имени, отчества и фамилии адресата всегда приписывалось в правом верхнем углу – «нужное» или «спешное», но не «срочное», как это иногда делается невдумчивыми письмотворцами, не понявшими различия между русскими словами «срочный» и «спешный». Они имеют совершенно разный смысл.

Получая от Кони его предупредительные уведомления, я никогда не видел на конверте справа слова «срочный». И это было поучительно! Записки на самом деле были не срочные, а именно «спешные»... И А. Ф. Кони не только сам это прекрасно понимал (еще бы!), но учил всегда своим вдумчивым примером людей, с которыми даже случайно вступал в общение, бережному, уважительному отношению, грамотному подходу к каждому слову родного языка. Это было истинно интеллигентское, умное, благородное отношение к силе и красоте великого, могучего, правдивого и свободного русского языка.

В июле 1921 года по всей России пронеслось первое страшное известие о голоде в Поволжье. Узнали о нем и петроградцы. Началась организация помощи. Рабоче-крестьянское правительство приняло все меры, чтобы смягчить страшное несчастье. Для закупки хлеба за границей нужны были средства. Бумажные деньги не были для этого пригодны. Требовалось золото и серебро. У многих петроградцев оно было. Надо было сделать эти драгоценности достоянием государства.

С этой целью по городу широко проводились благотворительные мероприятия. Между прочим, часто организовывались лекции и доклады для сбора средств в помощь голодающим. Особенно среди докладчиков выделялся тогда талантливый священник, горячий сторонник церковной реформы, Александр Введенский (впоследствии – глава так называемой «живой церкви»)⁸.

Его лекции пользовались огромным успехом благодаря его несомненно-му пламенному красноречию, способному волновать душу и вызывать слезы у впечатлительных людей.

Его доклады всегда давали полные сборы и не ограничивались продажей входных билетов. Слушатели его необыкновенно ярких призывов иногда доходили до непонятного состояния. Они тут же на лекции снимали с рук золотые браслеты, кольца, серьги и жертвовали их голодающим.

У нас на Мурманке было решено тоже организовать такую лекцию. Владимир Николаевич поручил мне заняться ее подготовкой. Надо было пригласить священника Введенского. Его в то время в городе не оказалось. Пришлось подумать о его замене. Обращаюсь к одному, другому священнику. Отказываются.

Настоятель б. Матвеевской церкви принял меня в своем кабинете радушно. У него сидело в то время еще какое-то духовное лицо. Особенно сочувственно они оба отнеслись ко мне, когда узнали, что я окончил семинарию. Альбинский стал сетовать на недостаток подготовленного духовенства. Жаловался на слабую подготовку пастырскими курсами новых служителей культа. Оба моих собеседника стали горячо меня уговаривать пойти на церковную работу, говоря, что она сейчас при недостатке подготовленного духовенства хорошо обеспечивает и имеет заманчивые перспективы.

Альбинский отказался выступить с лекцией и порекомендовал пригласить протоиерея Владимирского собора Красницкого. Этот священник был хороший проповедник. Про него говорили, что ему нравится выступать в рабочей аудитории. Он был убежден, что живая христианская правда всегда найдет доступ к сердцу рабочего человека. Он нередко принимал участие в диспутах по вопросам веры и неверия, что тогда было модно.

В Красницком я не ошибся. Он согласился выступить с докладом в зале Мурманской железной дороги. По своему ораторскому таланту он значительно уступал Введенскому, но все же был, несомненно, талантлив.

Владимир Николаевич очень внимательно выслушал мой подробный рассказ о встрече с представителями духовенства. Похвалил меня

Е. П. Смелов с дочерью Лёлей. 1934 г.

за проявленную энергию. Одобрил приглашение докладчиком Красницкого. Кроме того, я услышал от Владимира Николаевича такой совет, какого никак бы не мог ожидать от него и который меня удивил.

– Знаете что, – сказал он мне, – пишите дневник о своих встречах с духовенством. Это ценно, для истории важно. Пригодится в будущем.

Я в то время не видел в таких записках ничего ни ценного, ни важного. Одно скучное и мне совсем неинтересное занятие. Роль «Пимена» меня тогда не соблазняла. Ничего писать я не стал.

Чтобы руководить собранием с докладом протоиерея Красницкого, нужен был подходящий председатель. На эту роль Владимир Николаевич поручил мне пригласить Павла Панфиловича⁹. Он согласился без всяких колебаний, разумеется, за соответствующую мзду.

Собрание прошло успешно. Сбор был полный. Вступительное слово председателя было содержательно. Оно понравилось слушателям и было награждено дружными аплодисментами. Красницкий своим докладом произвел сильное впечатление. Он явно был в ударе. И говорил очень увлекательно. Этот доклад Красницкого, пожалуй, подтверждал некоторую правоту его хвастливого утверждения, что он всегда сумеет найти путь к сердцу рабочего человека, если на этом пути не будет создано искусственных преград, помех и запретов.

Впрочем, то же самое наглядно подтверждали многочисленные в

то время открытые диспуты между верующими и неверующими на публичных собраниях. Они были всегда многолюдны, страстны, интересны. Приходили на них разнообразные слои населения, в немалом количестве и рабочие всех возрастов. В этом не было ничего странного, не только потому, что сами по себе вопросы веры и неверия интересовали многих, но еще и потому, что на этих диспутах представлялась возможность услышать выдающихся по культуре и ораторскому искусству представителей противоположных точек зрения.

В частности, здесь часто выступал тогдашний народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, всесторонне образованный в гуманитарном духе и удивительно красноречивый и крайне находчивый оратор. Его обычным оппонентом был протоиерей А. И. Введенский. Это были достойные противники, стоявшие на противоположных позициях. Словесный поединок был увлекателен, и тогдашние «болеельщики» за правду-истину были не менее восторженны и горячи, чем теперешние футбольные безумцы.

Я много раз слышал в то время, будто бы Луначарский и Введенский школьные, гимназические или университетские товарищи¹⁰... Каждый из них хорошо знал вооружение своего противника и относился к нему с уважением. Несмотря на всю силу и остроту своих ударов, иногда достигавших высокой находчивости и классического остроумия, ни один

из них не переходил границ такта и взаимного уважения.

Конечно, все блестящие рассуждения диспутантов «рго» и «соп-тра» религии напоминали собой эвклидовские параллельные линии... Здесь наглядно подтверждалось коренное расхождение в основном философском вопросе о приоритете либо бытия над сознанием, как верует материализм, либо сознания над бытием, что составляет сущность идеализма. Если правда, что следить за ходом мысли умного человека всегда занятие увлекательное, то диспуты А. В. Луначарского с А. И. Введенским и тех сторонников того и другого, которые выступали на них, надо признать захватывающим умственным развлечением.

Мурманская железная дорога в нескольких городах, расположенных на ней, имела свои железнодорожные училища и школы, в которых обучались по преимуществу дети служащих этой дороги. В связи с этим возникла мысль об организации курсов повышения квалификации учителей этих школ и училищ. Организация их выпала на меня. К тому времени Владимир Николаевич почти совсем отошел от руководства делом. Лишь изредка я бывал у него, чтобы посоветоваться по наиболее сложным вопросам. Текущие дела теперь я решал самостоятельно.

В моем распоряжении были две женщины-инструкторы. Одна обслуживала все петроградские дела, другая – загородные, то есть линию железной дороги. Инструкторы эти были приняты на работу без моего участия непосредственно Дорпрофсоюзом, но работали под моим руководством и подчинялись только моим распоряжениям.

Одна из этих инструкторов поражала своей энергией всех сотрудников, в том числе и меня. Среднего роста, жгучая брюнетка, с очень решительными и властными жестами, она походила своей породой на переодетую цыганку. Для нее никакое поручение не было трудным. В любую минуту она не только без какого-либо возражения, но даже без малейшего намека на нежелание или неудовольствие отправлялась в любую поездку по линии железной дороге. Она казалась неутомимой и была всегда жизнерадостна, весела и очень остроумна.

Ей не приходилось придумывать меткий ответ на неприятный или неожиданно затруднительный вопрос или на язвительное замечание. Он у ней всегда был на кончике языка. Да! Такую женщину я видел впервые. Видимо, она прошла особую жизненную выучку и вращалась в такой среде, о которой я, может быть, не читал даже и в книжках. Не вселилась ли в нее душа лермонтовской Тамары – коварной и злой, но скрытой под оболыстительной, жгучей наружностью

О себе она ничего не повествовала. Она была только очень исполнительным инструктором. Всякое дело у ней горело в руках. С нее можно было бы рисовать убедительную иллюстрацию к древнеримскому, любимому римлянами, афоризму: «Mens sana in corpore sano»*.

В то время анкетные данные в таком учреждении, как профсоюзы не играли той роли, как впоследствии. Поэтому лишь случайно из разговора с сослуживцами я с некоторым удивлением узнал, что эта «переодетая цыганка» была жена одного из сыновей известного издателя «Нового времени» А. С. Суворина. Вероятно, она не была обижена жизнью: ее желания, причуды и капризы могли осуществляться беспрепятственно. А ее прекрасное здоровье позволяло ей стать спортсменкой во многих областях спорта. Она была амазонка-наездница, велосипедистка, мотоциклистка и даже авиаторша. Вот почему она была неутомимо закалена и телом, и духом и бралась за всякое дело крепкой рукой.

С осени 1921 года я стал преподавателем. Это случилось так. После Октябрьской революции вся система народного образования в России перестраивалась на новый лад. Медлить было нельзя. Культурных сил для революционной перепашки старой России не хватало на каждом шагу. Для политического просвещения новых большевистских кадров, хлынувших широким потоком в ряды РКП(б), недостаточно было одной грамотности, нужно было более или менее систематическое образование. Особенно тяжело обстояло дело с образованными людьми в деревне. Новые молодые подготовленные

кадры большевиков-организаторов там требовались в неограниченном количестве.

С этой целью советская власть приступила к организации первых советских партийных школ. В то время существовали уездные комитеты партии. Такой комитет помещался, как я уже говорил, на Сергиевской ул., в особняке под №53 (ныне ул. Чайковского)¹¹. Здесь возникла мысль о создании совпартшколы. И она была создана. В числе ее организаторов был Владимир Николаевич. Он входил и в состав мандатной комиссии по приему в школу.

В то время самые опытные столичные педагоги, даже те, которые еще недавно саботажничали, жаждали работы, приспособляясь к новым социальным условиям. Надо было жить. Надо было питаться. Уездкомский паек привлекал алчущих. Среди таких, алчущих, оказался профессор Петроградского университета Евгений Викторович Тарле. Он согласился преподавать ученикам совпартшколы курс западной истории. Историю России преподавал Владимир Николаевич. На мою долю выпало преподавание русского языка.

В ноябре месяце 1921 года Владимир Николаевич предложил мне взять по совместительству вторую работу на Центральных политических курсах Балтийского флота. Там нужен был секретарь учебной части, ведающий составлением расписания учебных занятий. Владимир Николаевич там состоял лектором по русской истории. До моего приглашения обязанности секретаря исполнял студент какого-то технического института. Он окончил институт, продолжать эту работу больше не мог, и место освободилось. Я согласился, так как предполагалось, что эта работа много времени у меня не отнимет. Так можно было думать, основываясь на работе моего предшественника – студента.

В один из морозных дней Владимир Николаевич привел меня на Галерную улицу в дом под № 51¹². Здесь и помещались тогда Центральные политические курсы Балтийского военно-морского флота. Я был представлен с соответствующей рекомендацией тогдаш-

* В здоровом теле, здоровый дух.

нему начальнику курсов Анатолию Яковлевичу Флауму и начальнику учебной части Борису Ефимовичу Раппопорту. Меня зачислили на должность лектора курсов, и я приступил к работе, несколько не подозревая, что именно с этого времени и до пенсионных лет я буду работать на самых различных должностях в Военно-морском ведомстве.

Моя работа на политкурсах Балтфлота, преобразованных вскоре в Военно-морское политехническое училище имени Рошаля, сыграла огромную воспитательно-образовательную роль во всей моей жизни.

Вполне понятно, что организация училища, не имевшего прецедентов, требовала немалых усилий: проторенных дорожек не было, их заменяли горячее желание первых курсантов овладеть наукой и научно-педагогический опыт крупных ученых, пришедших на помощь администрации. Первый начальник политкурсов Анатолий Яковлевич Флаум и его помощник по учебной части Борис Ефимович Раппопорт, а также Владимир Николаевич широко привлекали на курсы известнейших ученых и педагогов.

Здесь повторялось то же самое, что я уже видел и в чем принимал непосредственное участие на Мурманке. Да и обязанности мои, как исполнителя предначертаний начальства, в сущности, были те же. Я вращался среди преподавателей, так как составлял расписание занятий, что требовало больших согласований и сложных комбинаций. На мне лежали все повседневные сношения с ними по всем вопросам учебного процесса. Среди преподавателей политкурсов я встретил уже знакомых мне людей по моей прежней работе с ними в Совпартшколе и на Мурманке.

Так, курс западной новой истории читал Евгений Викторович Тарле. Председателем предметной комиссии по математике был знакомый мне профессор Иван Иванович Грацианский, у которого я и раньше бывал на квартире и который всегда производил на меня очень сильное впечатление своим глубоким, не-

сколько юмористическим умом и тонкой наблюдательностью. Его характеристики отличались точностью с оттенком яркой, незабываемой оригинальности по русскому обычаю давать меткие прозвища.

В начале 1924 года страна жила тревожными сведениями о тяжелой болезни В. И. Ленина. Я навсегда запомнил тот печальный момент, когда я услышал скорбную весть о смерти Владимира Ильича. Был зимний вечер с легким морозцем и небольшим снегопадом. Я шел домой от Владимира Николаевича Кашина и только что свернул с Лахтинской улицы на Большой проспект, как мимо меня пробежал мальчишка с экстренным сообщением о кончине Ленина. Мороз пробежал по телу от этого неожиданного известия¹³.

Как я уже говорил, в моем развитии политический эмигрант В. Н. Кашин сыграл значительную роль. Будучи его помощником по культурной работе среди железнодорожников, я многому от него научился и приобрел самостоятельность. Но не было случая, чтобы он разговаривал со мной о своей собственной жизни и о своих политических взглядах. Единственно, что я мог понять из этих разговоров, так это то, что он по убеждениям марксист, так как он советовал мне читать сочинения Маркса и Энгельса. Но о Ленине, насколько я помню, он мне не говорил. Сочинения В. И. Ленина я читал не по его совету. Смутно я догадывался, что он, по-видимому, эсэр, но это была лишь моя догадка и притом для меня не интересная...

Вообще, политическими оценками людей я в то время вообще не занимался и замечал лишь одно различие между людьми – одни помогали советской власти в борьбе за революционные преобразования России. Это были большевики, как, например, Фабрициус. Другие стояли на стороне белогвардейцев. Они были контрой. И все, дальше этого примитивного взгляда мой политический анализ тогда не простирался.

В. Н. Кашин в то время, на мой взгляд, никак не мог принадлежать

к контре. Он помогал советской власти. На Мурманской дороге он возглавил в Дорпрофсоже всю школьно-лекторскую работу дороги. Он был затем в числе организаторов первой советской партийной школы при уездком (Сергиевская, 53). Он помогал организовывать Военно-морские политические курсы Балтфлота. Я, конечно, не мог знать, насколько все это, внешне вполне положительное, он делал искренно, с добрыми намерениями и без задних мыслей.

Одно не нравилось мне во Владимире Николаевиче – его, как мне казалось, преувеличенное стремление к комфорту, к хорошей, дорогой обстановке, в частности к картинам. Он скоро переменил квартиру и обставил ее очень хорошо. Помимо этого он завел большую, хорошо подобранную библиотеку. Эти его наклонности к изысканному вкусу в те первые годы нэпа мне не нравились. Я в них видел нэпманский душок. Я готов был аплодировать Владимиру Маяковскому, гневно бичевавшему «уютные кабинеты и спальни» и всю прочую обывательскую дребедень.

Изредка я захаживал к Владимиру Николаевичу. Он меня принимал радушно и, несмотря на свою занятость (он работал над книжкой по древнерусской истории), всегда охотно беседовал со мной на научные темы. И вот однажды, когда я по обыкновению шел к нему в гости, меня осторожно подозвал к себе дворник. С ним я нередко беседовал при случайных встречах, и он меня хорошо знал.

– Вы куда идете, – спросил он меня, – в квартиру № ? – и он назвал квартиру Владимира Николаевича. – Не ходите туда. Идите обратно. Там засада.

Как назвать эту мою неожиданную встречу со знакомым дворником, как не счастливой случайностью?.. Ведь еще несколько моих неосторожных шагов и, как знать, не изменилась ли бы моя жизнь до неузнаваемости... С того времени я больше не встречал В. Н. Кашина, и о дальнейшей его судьбе ничего не знаю.

¹³ Владимир Николаевич Кашин (1890–1938), историк, профессор Ленинградского университета. В шестом классе реального училища вошел в марксистский кружок, трижды арестовывался, был сослан в Енисейский край навечно. Бежал из ссылки за границу, откуда вернулся в Россию в 1917 г. Работал в Ленинградском университете и Русском музее. В 1930-е годы несколько раз арестовывался по обвинению в контрреволюционной деятельности. После общего собрания сотрудников Ленинградского института истории АН СССР,

где вновь были выдвинуты обвинения в контрреволюции, арестован и в 1938 г. расстрелян. См.: «Что вы делаете со мной!» Документы о жизни и гибели В. Н. Кашина. Сост., вступ. статья и примеч. Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006.

² Смелов Е. П. Воспоминания о годах обучения в Санкт-Петербургской духовной семинарии. СПб.; М.: Свято-Владимирское изд-во, 2009.

³ Воспоминания Е. П. Смелова предоставлены его внучкой, Еленой Михайловной Травиной, кандидатом философских наук.

⁴ Смелов Е. Думы о былом. Петроград в 1919–1921 гг. // Альманах «Русский мир». СПб., 2010. № 3.

⁵ Доходный дом А. Н. Перцова («Перцов дом») на Лиговском, 44, был построен по проекту архитекторов С. П. Галензовского, И. Ю. Мошинского (при участии И. А. Претро) в 1910–1911 гг. в стиле модерн. Дом был рассчитан на жильцов разного достатка. В нем имелись и меблированные комнаты, и благоустроенные (с ванными комнатами и телефонами) квартиры. Были запроектированы собственный читальный зал, кинотеатр, а также магазины.

⁶ Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич (1883–1955). Литературовед, профессор Ленинградского университета, исследователь истории русской журналистики и творчества Н. А. Некрасова.

⁷ Кинотеатр «Молния» находился на Большой проспекте Петроградской стороны, д. 35. В настоящее время кинотеатр «Мираж-синема».

⁸ Введенский Александр Иванович (1889–1946), один из лидеров обновленческого движения Православной Российской церкви. В 20-е годы имел репутацию непревзойденного оратора благодаря своим выступлениям на публичных диспутах с атеистами.

⁹ Павел Панфилович Жирнов, приятель В. Н. Кашина.

¹⁰ Луначарский, родившийся в 1875 г., и Введенский, родившийся в 1889 г., не могли быть однокашниками.

¹¹ Здание по Чайковского, 53, – это бывший особняк архитектора Александра Карловича Кольмана, построенный им для себя (в соавторстве с архитектором Е. И. Ферри де Пиньи) в 1859–1861 гг. в стиле неоренессанс. В настоящее время в нем располагается Военный комиссариат Центрального района.

¹² Жилой флигель особняка Стенбок-Фермор по Английской набережной, выходящий на Галерную, был построен во второй половине XIX века.

¹³ До этого фамилия Кашин в воспоминаниях ни разу не упоминалась, только инициалы.

Осмыслить время (по семейным воспоминаниям)*

К. В. Коржавин

У нас совершенно не было дров, и вода замерзала на полу. Воду кипятили на «комельки из лучины» внутри обычной комнатной печки. А затем, чтобы не мешать друг другу, делали вид, что спали. До 5 часов утра время тянулось долго... А в 6 утра уже открывались булочные. И мне, как всегда, предстояло обойти много булочных, чтобы уговорить (упросить) доброго продавца продать нам хлеб на 3 дня вперед, а точнее, на третий. Если я возвращался с хлебом, то начинался его дележ по уже установившейся схеме: «Это кому?». Я отворачивался, сестра указывала пальцем и спрашивала: «Это кому?», а мама в порядке контроля наблюдала прямо с кровати. Отец же не ходил и был безразличен к происходившему. Каждый член семьи, откусив немного, прятал свою долю в излюбленный угол комнаты. Я же свой кусочек, чтобы не заглотить сразу, прятал обычно за зеркало. Всячески пытался отвлечь

«Барахолка в блокадном Ленинграде». Худ. Н. И. Шарф

* Продолжение. Начало в № 4 (56), 2010 г.